

Смыслы и практики повседневного трудового поведения сельских русских и татар

Г.Ф. ГАБДРАХМАНОВА, доктор социологических наук.

E-mail: medi54375@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
Казань

Аннотация. Статья описывает социальные структуры (смыслы и практики) будничной трудовой жизни сельских русских и татар четырех регионов России (Башкортостана, Крыма, Татарстана и Тюменской области). Посредством анализа повседневного трудового поведения индивидумов выявляются культурно обусловленные закономерности их социально-экономической реальности. Исследование показало много общего у сельчан обеих национальностей. Специфика же проявилась в том, что социальный конструкт повседневности у сельских татар формируется вокруг расширенной семьи, которая придает значения и смыслы их жизненному миру, а у русских сельчан центральным целью-принципом выступает индивидуализированный духовный аспект: многие рутинные практики рефлексированы в контексте обращения к внутреннему миру человека и смысложизненных вопросов. Модели повседневного трудового поведения разных национальностей дополняют друг друга и создают уникальный мир многокультурной сельской России.

Ключевые слова: культура; социально-экономическая сфера; повседневность; трудовое поведение; этнические группы; регионы России

Научная традиция изучения роли культурно-исторических причин в экономическом развитии общества насчитывает более сотни лет. Ее основатель М. Вебер объясняет этос европейского капитализма трудовой этикой протестантизма. Тема получила развитие в межстрановых исследованиях конца XX века, авторы которых [Inglehart, 1997; Hofstede, 2011; Schwartz, 2006] стремились разработать универсальные параметрические измерения культурных оснований экономик современных государств. Эти методики используются и российскими исследователями [Лебедева, Татарко, 2009; Магун, Руднев, 2008].

Для России вопрос о влиянии культурного фактора на социально-экономические процессы в стране не может быть понят с позиций единой системы индикаторов. Полиэтнический и поликонфессиональный состав населения, высокая актуализация

этнических чувств у представителей населяющих ее народов стимулируют поиск адекватной методологической и методической рамки исследований. «Наша страна – это не только русские, но и народы, численность которых насчитывает миллионы или сотни и десятки тысяч. У каждого из них не только специфическая среда обитания, но есть и образы желаемой ими страны, государства. Все они не забывают о своей национальности» [Дробижева, 2002. С. 447]. Сохраняющиеся различия этнических групп по уровню урбанизации, отраслевой и социально-профессиональной структуре, их территориальные особенности мотивируют к изучению трудового поведения российских народов. Обратим внимание на позитивную роль не противоречащих модернизации традиций [Кузнецов, 2017], которые изменяют свою роль в современных условиях [Гофман, 2010. С. 241].

Методология, методика и база исследования

Различия культур народов России в контексте их влияния на экономическое, трудовое поведение, социально-экономическую адаптацию к меняющимся условиям анализируются историками, этносоциологами и антропологами. Их интересуют мотивационные основания встраивания этнических общностей страны в рыночные отношения [Магун, 2003; Социальное неравенство..., 2002; Шкаратан, Карачаровский, 2002] и причины специфики социально-экономического поведения народов. Среди последних выделяют хозяйственную этику русского православия, советский и досоветский патернализм, последствия традиций сельской общины у русских, татар и других народов российской империи XIX – нач. XX вв. [Зарубина, 2004; Халиков, 1995]. В данной статье предпринимается попытка ответить на вопрос, насколько связь культуры и социально-экономической сферы реально имплицитруется в практики современных народов РФ. Фокусирование на повседневности способно обогатить знания о культурно обусловленных закономерностях социально-экономической реальности на индивидуально-личностном уровне.

Обращение к феномену повседневности предполагает использование феноменологической традиции, основатель которой А. Шюц определяет «жизненный мир» как «высшую реальность», на которой формируются все прочие миры опыта [Шюц, 1988].

Ее существенным элементом, по П. Бергеру и Т. Лукману, является социальная структура, созданная индивидуумами с помощью типизаций и повторяющихся образцов поведения. Такие конструкты теряют анонимность по мере удаления во времени и пространстве [Бергер, 1995. С. 60], а черты Близких начинают восприниматься в качестве несомненных, очевидных, и они становятся основой для типичных конструктов в соответствии с ценностями и интересами «Мы-группы». Повседневная жизнь заведомо упорядочена социокультурными нормами, под влиянием которых индивид вынужден строить свою частную жизнь в зависимости от того, что считает релевантным своим убеждениям и интересам [Жигунова, 2015].

Отдельные исследователи склонны включать в повседневность практики частной, приватной жизни индивидов, определяющее значение для которых имеют жизненный опыт, сложившийся образ жизни [Жигунова, 2015]. Другие обращают внимание на важность такого аспекта, как смысл жизни. Он фиксирует осознанные цели-принципы, которыми руководствуется человек в обычной жизни [Тощенко, Великий, 2018]. Наша цель – выявить общее и особенное в социальных структурах (смыслах и практиках) будничной трудовой жизни сельских русских и татар.

Методология работы задала соответствующую стратегию полевых работ: основным их методом стало глубинное интервью. Неформализованный процесс интервьюирования, основанный не на жестко структурированном опросном листе, а на списке тем, предлагаемых информантам для обсуждения, давал возможность получить данные, обладающие значительной качественной определенностью, зафиксировать тонкие (требующие глубокого проникновения) грани отличий, выяснить скрытые, неявные, но значимые для научного понимания, аспекты повседневного поведения. Такого рода интервью не позволяют оперировать количественными данными и дают возможность судить лишь о некоторых особенностях трудового поведения, преобладании определенных тенденций в этнических и территориальных группах при сравнении их друг с другом.

Интервью проводились в семьях русских и татар в 2017–2019 гг. в Республике Башкортостан (РБ), Республике Крым (РК),

Республике Татарстан (РТ), и Тюменской области (То)¹. При выборе регионов учитывалась численность, соотношение и статусы русских и татар, их длительное взаимодействие, которое, по предположению, могло привести к формированию одинакового повседневного трудового поведения.

Интервью проводились среди горожан и сельчан, в статье анализируются тексты бесед с сельскими информантами (в РБ N=14: по 7 в семьях русских и татар; в РК N=10: по 5; в РТ N=13: 6 – русских, 7 – татар; в То N=14: по 7). Основными стали двухпоколенные семьи, члены которых – родители 40–60 лет и живущие с ними дети 16–25 лет (были и неполные, а также молодые семьи). Подбирались «среднестатистические российские семьи» со средним, выше среднего и ниже среднего уровнем дохода. Их выбор производился с применением метода поиска телефонного номера в записных книжках знакомых. Языком интервью мог быть русский или татарский – это определяли респонденты, исходя из удобства коммуникации. Выдержки приводятся на языке говорящего с соответствующим переводом.

Работа как ценность сельчан

Интервью начинались с вопроса о том, что является значимым для каждого информанта. Для сельчан разных национальностей важно *«Шулай балаларны аякка бастыру / Поставить детей на ноги»* (№ 6, тат., муж., 50 л., РБ) и чтобы они *«...устроенные были нормально»* (№ 7, рус., жен., 59 л., РБ). Среди них оказались и те, кто говорил о работе: *«Семья. Во-вторых, работа. Работа важна сама по себе тоже»* (№ 9, рус., жен., 52 г., РТ). Но их оказалось мало. Для многих *«Главное работу найти»* (№ 7, тат., жен., 18 л., То), и она зачастую воспринимается ими как трудно достигаемая мечта. *«Хорошо было бы, если бы была какая-нибудь работа»* (№ 4, тат., муж., 64 г., РТ).

Провал ценности «работа» объясняется спецификой рынка труда на селе. *«У нас <...> жизнь вроде неплохая, но тут работы нет. Все куда-то ездят <...> Тотып эшлэрлек эш юк инде. Мень рэхэтлэнеп кеше эшлим дигэн / Вот чтоб взяться и работать. Работы нет, чтоб с удовольствием работать»* (№ 2,

¹ Разработка программы и инструментария исследования, проведение групповых интервью осуществлены Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, Л. В. Сагитовой.

тат., жен., 31 г., РТ). В таких условиях весьма распространены в интервью стали многочисленные жалобы на проблемы с материальным обеспечением семей, на ситуации вынужденного отходничества и ностальгия по советской системе занятости сельчан и организации жизни в сельской местности.

Из-за проблем с занятостью на селе этнические группы оказываются в равных условиях, и их представители вынуждены довольствоваться любыми предложениями. *«Я не выбирала. Меня куда позвали, туда и пошла»* (№ 5, рус., жен., 32 г., РТ). Они согласны на любую работу, *«...лишь бы платили вовремя»* (№ 5, рус., жен., 32 г., РТ). Многие работающие информанты никогда не меняли работу. Исключение – Республика Крым. Для многих местных сельских русских и крымских татар **«Сменить профессию вообще не проблема. Я привык. Я за последние пять лет три-четыре работы поменял. Всегда стремился идти там, где, во-первых, нравится, во-вторых, там, где оплачивают получше»** (№ 9, крым. тат., муж., 39 л., РК). Это связано с миграционным опытом: у крымских татар – вынужденным, у русских – трудовым.

Русские вовлекались в советские программы переселений, многие из них или их родители переехали в Крым из регионов СССР, позже Украины, России. Специальности крымских татар, полученные в местах депортации, часто оказывались невостребованными в Крыму. Такие практики трудовой мобильности этнических групп Крымского полуострова оказались достаточно распространенным явлением, но в целом у большинства сельчан всех регионов «работа» не играет смысложизненную роль. В условиях ее практически полного отсутствия на селе произошла деформация их трудового сознания.

Во время рассуждений о нынешней/желаемой работе сельчане много говорили о трудовом коллективе, микроклимате в нем, об отношениях с руководством и коллегами. В этом вопросе близки интервьюируемые разных поколений и национальностей всех регионов. Говоря о работе, они называли справедливость, честность, дисциплину, *«... её делать на совесть. От этого зависит кто про тебя что скажут. У нас в деревне так»* (№ 8, тат., жен., 60 л., То); **«На работе важно, чтоб исполнительность, чтобы работа была всегда исполнена»** (№ 5, рус., жен., 46 л., РБ).

Такие трудовые ценности активнее выделяли в Башкортостане и Татарстане, и реже – в Тюменской области и Крыму. Многие сельские русские и татары одинаково ощущают ответственность за работу, важность своего труда. Среди них были и те, для кого важно «*зарабатывание денег*» (№ 1, рус., жен., 47 л., РБ), и те, кто трудится «*...не только ради денег*» (№ 6, рус., жен., 24 г., РБ), «*...была бы работа очень интересная*» (№ 10, рус., жен., 63 г., РТ). Это отражает советскую этику труда и образует уникальный (в сравнении с горожанами) континуум смыслов повседневной жизни сельчан, сочетающий духовные и материальные аспекты.

В то же время выяснилось, что интерес к материальной стороне работы больше проявляют татары, и особенно – живущие в Татарстане и Башкортостане. «*...больше хочется <...> думаешь, что дальше еще, как сделать так, чтоб больше зарплаты*» (№ 4, тат., муж., 34 г., РТ). Они нередко признавались в наличии двух и даже трех работ, в стремлении найти дополнительные источники дохода. «*Я хожу на подработку на Чемпионат мира сейчас и помощником кассира подрабатываю. <...> Я еще хотела заняться подработкой на дому, тортики делать. <...> Мы хотим еще теплицу сделать, если получится. <...> Я очень люблю цветами заниматься. Я хотела бы выращивать ... розы на продажу, ... к весне рассаду цветов продавать*» (№ 1, тат., жен., 31 г., РТ); «*Летом мы собираем грибы, ягоды, продаём их. Также какая-то прибыль, помощь семье*» (№ 8, тат., жен., 20 л., То).

Крымские татары из сел овладевают городскими специальностями, выезжая летом в прибрежную зону полуострова и обслуживая туристов (общепит, гостиничный и досуговый бизнес). Женщина из тюменского села рассказала о дочери-студентке, которая занимается «*Ногтевым сервисом, маникюр-педикюр в свободное от учёбы время*» (№ 10, тат., жен., 50 л., То). Мать помогает ей заполнять тетрадь, в которой они фиксируют расходы и прибыль.

Фокусированность на материальной стороне работы проявилась и у некоторых русских сельчан. «*Я могу пахать день и ночь, чтобы семья была сытая*» (№ 5, рус., муж., 36 л., РТ). Они признались в подработках. «*Мы всю жизнь на зарплате. <...> Вечером чумарили, выручал трактор*» (№ 9, рус., муж., 56 л., РТ). Но такой дискурс присутствовал заметно реже, чаще

подчеркивалось, что главное – «...не богатство, конечно» (№ 8, рус., муж., 46 л., РТ).

Многие уверены в том, что «*Деньги меняют людей*» (№ 7, рус., муж., 23 г., РТ), «*Больше денег – больше проблем*» (№ 10, рус., муж., 64 г., РТ), а зарабатывание «*Здоровье забирает только*» (№ 7, рус., муж., 23 г., РТ). Такие информанты выражают сочувствие обеспеченным людям («...богатые, наверное, спят и боятся» (№ 9, рус., муж., 56 л.; РТ)) и смирение с материальным положением, отражающим православную этику («*Что дано, то и дано. Значит, заслужила*» (№ 9, рус., жен., 52 г., РТ)). Эклектика трудовых ценностей русских сельчан зафиксирована в разных регионах. Она проявилась и в повседневных трудовых практиках семей.

Рутинные трудовые практики в контексте семейных отношений

Повествуя о повседневных заботах, информанты двух национальностей много говорили о семье. Она выступает главным ресурсом решения социально-экономических проблем сельчан. Между тем анализ выявил разные у русских и татар представления о семье и опосредованные ими будничные трудовые практики.

У русских сельчан обычными являются семьи с одним-двумя детьми, живущие отдельно от бабушек и дедушек и часто не имеющие плотных связей с родственниками. Диалог супругов является ярким тому подтверждением: «*У меня вообще очень мало родственников. У мужа их очень много. Только толку никакого. С двоюродными, троюродными не общаемся. Как-то некогда. Сейчас все в таком режиме работают: работа – дом. На праздник – смс, картинку отправили – поздравили*» (№ 5, рус., жен., 32 г.; муж., 36 л., РТ). У татар распространен расширенный тип семьи – многочисленные родственники, взаимодействующие друг с другом. «*Двоюродные у меня очень дружные. Они позвонят, мы собираемся. Нас очень много двоюродных братьев, сестры*» (№ 1, тат., муж., 31 г., РТ). Хотя среди них были и те, кто нацелен на нуклеарную семью, а отдельные русские считают, что жить с родителями и родственниками лучше и правильнее.

Специфика повседневных трудовых практик обнаружена при обсуждении статусов мужчин и женщин в семье. Русские информанты часто говорили об их равенстве, поэтому хозяйки нередко признавались в том, что они могут заняться мужскими делами, а их мужья – женскими. *«Даже по хозяйству, например, его нет дома, я все делаю. То же самое, когда я на работе <...> **Все делаем одинаково.** Я не сижу, не жду. Зимой надо дрова нарубить, я нарублю»* (№ 1, рус., жен., 31 г., РК). Татары, напротив, нередко сообщали о разделении повседневных забот между супругами. *«У меня работа, у неё дом»* (№ 3, тат., муж., 30 л., То).

Главенство мужчины в татарских семьях влечет за собой возлагаемую на него ответственность, в первую очередь, по материальному обеспечению семьи. Информанты нередко подчеркивали, что, создав ее, мужчина должен построить дом, причем часто – своими руками: *«У нас всегда так. <...> Это обязанность мужчины – строить дом»* (№ 9, тат., муж., 27 л., То). Это трактуется ими как должное, целесообразное. *«Основная забота мужчин – это добывать, чтоб в семье был достаток, а женщины... У меня жена никогда не работала здесь, она все время с детьми была. И я считаю, что это правильно. <...> Такое деление – это самое рациональное, полезное для семьи»* (№ 8, крым. тат., муж., 63 г., РК).

Влияние традиционной семьи на повседневность обнаружено и у части русских. Наиболее явно оно проявилось среди казаков в Тюменской области, русских Крыма и потомков старообрядцев в Татарстане. У них *«...семья очень большая. <...> как мини-свадьба получается, все собираются. <...> Около 20 человек. Так взрослых только! Детей-то сколько еще»* (№ 1, рус., жен., 36 л., То).

Родственники вместе занимаются строительством домов и надворных построек, уходом за домашним скотом, птицей, большим приусадебным участком, принимают друг у друга детей и внуков во время каникул и отпусков. В таких семьях обычным является наделение главы мужскими обязанностями. *«Тяжелую работу я делаю. Илья (сын – прим. авт.) помогает. Например, перепахать огород, дрова, снег почистить»* (№ 4, рус., муж., 47 л., То). Хозяйки выполняют сугубо женские работы. *«Каждый на своем месте находится. <...> Физические обязанности*

по дому, <...> чтоб ремонт какой-то – такое за мужем. А женщина на кухне» (№ 4, рус., муж., 27 л., РК).

Сохраняется традиции обязательного проживания невестки в доме родителей мужа в первые пять лет брака (у казаков) и статус главы семейства, когда «*последнее слово за хозяином*» (№ 11, рус., жен., 39 л., РТ). А критерием выбора брачного партнера выступает трудолюбие. «*Сестра с зятем меня встретили <...> и говорят: “Давай уже женись. Такая хорошая девочка”. А че же в деревне? Мы же все трудяжки, да работяжки – все на виду. Наверное, работяжку увидели*» (№ 6, рус., жен., 61 г., РК). В таких традиционных семьях дети обязательно имеют обязанности. «*У нас воспитание было строгое. <...> Родители на работе, дети занимаются хозяйством. В доме уборка, огород <...> Родители пришли с работы, чтобы в доме чистота, в огороде чистота, в хозяйстве накормлено, на столе кушать есть*» (№ 3, рус., жен., 27 л., РК). Родители нередко занимаются бизнесом в родном селе. В семье из Крыма поведали о продаже бытовых изделий из дерева и металла, сделанных главой семейства. Супружеская пара из тюменского села открыла магазин.

Слой высоко мотивированных на экономический прирост среди сельских русских оказался заметно выше в Крыму. Живущие здесь русские часто рассказывали про трудовую социализацию детей и про нынешнюю работу в сельском хозяйстве. Респондент, занимающийся пчеловодством, поведал, что ремеслу он обучился у отца, который «*...заставлял работать в детстве, выполнять работу на пасеке*» (№ 4, рус., муж., 53 г., РК). Другой информант вспомнил насыщенные трудовые будни детства. «*Я иду по полям корову доить. Соседка своих коров доила, у меня возьмет ведро и до дома доносит. Утром в пять утра вставала, шла на рынок, несла на рынок молоко, творог, сметану, мед – все, что дома было, все можно было продать. Я на тачку все нагружу, потащила. Приду на рынок, все выставлю. Там бабульки стоят торгуют и я с ними. <...> мы занимались тюльпанами... срезали. А то, что плохое оставалось, я ходила зарезала. Накручу, иду на рынок, стою, торгую. Это были мои цветы, деньги были мои*» (№ 3, рус., жен., 27 л., РК). Основой социально-экономической мотивации выступает замеченный нами высокий традиционализм крымских сельчан.

У татар опосредующее влияние семьи на труд проявляется в отношениях с многочисленными родственниками. Крупный фермер из Башкортостана обучил детей «нужным» профессиям: старший сын получил ветеринарное образование, дочь – юридическое, младший сын – специалист муниципального управления. *«Обязанности распределялись по такому принципу – чей объем интеллекта и технические возможности соответствуют для исполнения той или иной задачи»* (№ 5, тат., муж., 60 л., РБ). За каждым закреплено направление – разведение породистых лошадей, крупного рогатого скота, птицы, растениеводство, агротуризм. Так, у хозяйки *«...целое поголовье. Она полностью курирует козоводство наше, овцеводство, дойную <...> птицеводство»* (№ 7, тат., муж., 26 л., РБ). Старший брат главы семьи неоднократно одалживал деньги на старте бизнеса, другие его братья помогают с уборкой урожая.

В других семьях дети, родственники из города сообщили об обязательном участии в ведении хозяйства и сбыте продукции, когда они приезжают в свободное время в родную деревню. *«Сәт сдәват ытәбез. <...> Тәмәнгә аңнам мин Гөлфия кысыма. Ул анда нимәдә линиядә кондуктор булып эшләде. Ул илгән кенә шоферлар арасында сатада / Молоко сдаем <...> Отвожу в Тюмень к дочке Гульфии. Она там на линии кондуктором работает. ... водителям продает»* (№ 8, тат., жен., 60 л., То). Ресурсы семьи привлекаются и к развитию иных форм хозяйствования. Крымский татарин, приехав в Крым, организовал строительную бригаду из родственников и занимается возведением коровников, домов, ремонтом жилья сельчан.

Таким образом, семья и труд выступают для татар в неразрывном единстве. Эта связь рассматривается ими в контексте укрепления семьи (*«Трудности бывают и моральные, и финансовые – это сплачивает нас»* (№ 13, тат., жен., 65 л., РТ) и получения удовольствия от жизни ее членами (*«работа делает меня счастливым человеком. Я думаю, и всю семью»* (№ 7, тат., муж., 26 л., РБ)). И даже среди качеств будущего супруга/супруги детей татары почти всегда называли целеустремленность, порядочность, доброту, заботливость, ум, но особенно часто – трудолюбие: *«...эти кебек трудолюбивый булурга тиеш ул, эш яратырға / ...должен быть трудолюбивый как отец, любить труд»* (№ 6, тат., жен., 27 л., РБ).

Сельские русские, рассуждая о семье и опосредованных этим институтом трудовых практиках, во всех регионах заметно чаще рассуждали об эмоционально-духовных связях членов семейств, а материальные аспекты зачастую выделялись ими отдельно. *«Самое богатство – это семья. Именно отношения семейные. А уже потом, на втором плане **финансовая независимость** и все остальное»* (№ 6, рус., жен., 35 лет, То). Они прибегают к категориям доверие, согласие, счастье, дружба, теплота, взаимопонимание, уважение и сплоченность – ко всему тому, что придает этнокультурную специфику смыслам их рутинных трудовых практик.

Социальные структуры рутинных трудовых практик этнических групп

Исследование выявило эклектичность будничных трудовых практик русских сельчан. Так, в области ведения сельского хозяйства одна их часть продемонстрировала высокий интерес к нему. Ее представляют владельцы крупных, состоятельных личных подсобных хозяйств, обладатели солидного парка техники и обширной сети покупателей. *«У нас свои поля, мы сеем зерно. Он (муж – прим. авт.) занимается землей <...> В этом году убрали ячмень и пшеницу. <...> Подымались с хозяйства: держали овец, шерсть сдавали, мясо продавали. Держали коров, молочко сами перерабатывали, сами возили и продавали. По церквям предлагали, везде ездили, распродали, по организациям ... Мы всегда были в работе, огород, хозяйство, дети, закатка»* (№ 3, рус., жен., 60 л., РК).

В то же время сельские русские заметно чаще татар признавались в отсутствии домашнего скота или птицы, реже сообщали о занятиях пчеловодством или собирательством (в Тюменском крае), о работах, связанных с переработкой или продажей продукции из личного хозяйства. Среди них оказались и откровенные тунеядцы. В тюменской семье работает лишь молодая хозяйка (на полставки санитаркой в сельской больнице), в числе других доходов – пенсия престарелой матери и пособия на детей. Несмотря на большой приусадебный участок, он не обрабатывается, хотя в семье есть здоровый мужчина, занятый случайными приработками, и дети-подростки. Близость

к городу никак не мотивирует главу семейства к поиску там постоянной работы. Члены семьи высказали многочисленные просьбы и жалобы на отсутствие помощи от государства, администраций района, села. Подобные кейсы зафиксированы и в других регионах.

Трудовые практики сельских татар носят более цельный характер. Во всех регионах они продемонстрировали одинаковый образ жизни, основанный на целерациональных действиях. *«Сегодня экономическое положение говорит о том, что мы должны работать. Мы должны быть заняты и обеспечивать себя и своё потомство»* (№ 10, тат., жен., 50 л., То). Специфика их трудовой мотивации отмечалась русскими. *«Татары – они трудяги»* (№ 4, рус, муж., 53 г., РК). Более явной она оказалась в Башкортостане. *«Постоянно нужно работать, делать, делать, делать, делать, делать надо»* (№ 1, тат., жен., 57 л., РБ).

Заметными у татар оказались и более распространенные практики ведения сельского хозяйства. *«Хозяйство увеличиваем, выращиваем телят. На продажу. Мясо мы ежегодно в мае месяце (продаем – авт.). Молоко, сметана, яйца, творог»* (№ 10, тат., жен., 50 л., То). Некоторые русские из числа участников исследования объяснили это тем, что татары сильнее привязаны к земле, *«хозяйством больше занимаются»* (№ 1, рус., муж., 37 л., То), *«... а наша молодежь в основном все уезжают в город. В городе чтоб чистая работа была»* (№ 7, рус, жен., 30 л., РК).

Другой особенностью социальной структуры будничных трудовых практик татар является главная цель-принцип их жизни – упорядоченность повседневности. *«...һәрбер кешенең эше буырга тиеш, үз урыны булырга тиеш / ...у каждого – свое дело, свое место должно быть»* (№ 6, тат., муж., 48 л., РБ). Не случайно они нередко произносили слово *“тәртип”* (с тат. – порядок, дисциплина). *«Направлять итәргә кирәк инде, потому что направлять итмәсәң, булмый хәзерге заманда ... потому что без теге опыт бар / В настоящее время надо их (детей – прим. авт.) постоянно направлять, без этого нельзя. ... потому что мы – опытные»* (№ 4, тат., жен., 47 л., РБ).

Такая регламентация приводит к тому, что дети из татарских семей нередко повторяют профессию родителей, ждут «рецептов» и «держат отчет» перед ними, став даже взрослыми людьми. *«Завтра в Елбаево поедем. <...> Он (отец – прим. авт.)*

<...> *чтоб знал... где мы, если что где нас искать, позвонить*» (№ 2, тат., муж., 43 г., РТ). Они обязательно советуются с мамой и папой «...насчет того, куда пойти учиться. <...> кем бы мне стать, кем вы меня в будущем видите» (№ 8, тат., жен., 16 л., То).

Родители, в свою очередь, контролируют детей («С вечера, например, скажу сыну ...: “Улым (сынок – прим. авт.), ... нужно сделать то-то (прим. авт.). В обед позвоню, спрошу у него, начал косить или нет. <...> Ага, закончил, тогда вот этим теперь займись» (№ 2, тат., муж., 43 г., РТ)), но по мере взросления им предоставляют право высказывать собственное суждение. «Бәләкәй чакта инде болайрак иде, хәзер үзләренең мнениелары бар инде һәрбересенең / В детстве по-другому было, сейчас у каждого свое мнение уже есть» (№ 4, тат., жен., 47 л., РБ).

Указанная цель-принцип суживает появление в татарской среде неординарных, эвристических идей, в отличие от русских, для которых «свобода» выступает важным структурирующим и мотивирующим элементом организации повседневности. Это проявилось в двух моментах.

Для большинства представителей старшего поколения русских семей важно привитие у детей самостоятельности, установки на поиск и творчество. («Иди сама, как говорится, своей тропой, потом уже поймешь, твое это – не твое. Мы не лезли. <...> Вот теперь она поняла, что пошла не туда. <...> Каждый человек, мне кажется, сам должен пройти этот путь, должен сам понять – ты правильно сделал или нет» (№ 8, рус., жен., 42 г., РТ)). Сами дети поддерживают такой цель-принцип. «Как говорится: “Слушай, но делай по-своему”. **Своя голова на плечах**» (№ 7, рус., муж., 23 г., РТ). Он проявляется и в вовлечении при его реализации множества акторов. Русские сельчане, вспоминая людей, определивших их выбор профессии, нередко называли соседей, воспитателей, тренеров, друзей, коллег, руководителей, учителей, а в Башкортостане и Татарстане – духовных родителей.

Среди татар, хотя и нашлись те, кто сообщил о влиянии знакомых («У нас у отца были друзья, друг семьи. <...> Он сам такой человек, который на войне был, очень аккуратный, очень интеллигентный человек был. Смотря на него, выбирал (профессию – прим. авт.)» (№ 3, тат., муж., 43 г., РТ)), но чаще

назывались лишь учителя и семья. Указанное разнообразие жизненных стратегий русских способно повлиять на возникновение в их среде многоаспектных трудовых практик.

Другим проявлением структуры трудовой повседневности у этнических групп выступает наличие у их представителей четких планов. Татары разных возрастов не только отметили, что у них *«Всё запланировано»* (№ 9, тат., муж., 27 л., То), но и осудили отсутствие планов. *«Без этого никак. Без этого просто ты пробегаешь, просто впустую потратил свое время. И ничего не добьешься, обязательно надо все выстраивать. <...> обязательно четкие приоритеты»* (№ 7, тат., муж., 26 л., РБ). При этом главным мотиватором планирования у татар вновь выступает материальный аспект. *«Надо жить, чтобы знать, что ты будешь делать завтра, начиная от самого себя. Планирование бюджета, на что ты потратишь его сегодня, завтра? На что отложишь? На отдохнуть или ещё на что-то»* (№ 9, тат., жен., 21 г., То).

Часть русских также заявила о важности планов и жизненных стратегий. *«Хочу развести побольше скотины, вообще всего. <...> Сейчас разведем, будем опять и в семью, и в стройку»* (№ 1, рус., муж., 31 г., РК); *«Мы зимой планируем: <...> отстраиваем баню, строим беседку. Через месяц меняем мебель или что-то подобное. Не так, чтобы спонтанно. Всё равно планы какие-то строятся»* (№ 11, рус., муж., 28 л., То).

Такие сельчане ориентированы на собственные силы и умения. Их было заметно больше в Тюменской области и Крыму. *«Нужно больше трудиться, не жалея себя. <...> если хочешь жить в достатке»* (№ 4, рус., муж., 16 л., То); *«...в первую очередь надейся сама на себя»* (№ 2, рус., жен., 63 г., То).

Но были и те, кто высказал противоположное мнение, выступив *«...против планирования жизни. А зачем? <...> Как в жизни дано, так и идет»* (№ 1, рус., муж., 57 л., То), потому, что *«Жизнь неизвестно что преподнесет»* (№ 11, рус., муж., 42 г., РТ). Такие информанты опасаются случайностей жизни, превратности судьбы, неисполнения обязательств. *«Планов я не строю. Живу одним днем. Никому ничего не обещаю. Завтра все может измениться. Чтобы на меня никто не надеялся, чтобы не подводить»* (№ 7, рус., муж., 23 г., РТ).

Несмотря на выявленные этнические особенности жизненных планов, сельские русские и татары едины в том, что *«На государство надеяться нельзя. Государство никому еще не помогло»* (№ 11, рус., жен., 39 л., РТ) и *«Өмет итеп ятсаң, ышаныч юк алай / Если будешь надеяться, ничего не получишь»* (№ 4, тат., муж., 49 л., РБ). Большинство одинаково рассчитывает на свои ресурсы и поддержку близких. *«На себя надеешься и рассчитываешь на себя, на свои силы, на свои возможности, на возможности своей семьи»* (№ 4, рус., муж., 40 л., РБ).

Выводы

Исследование выявило сохраняющееся значение культуры в социально-экономическом развитии России на уровне повседневного трудового поведения сельчан разных национальностей. Это проявляется в специфических социальных структурах будничной жизни их представителей.

У сельских татар Башкортостана, Татарстана, Крыма и Тюменской области социальный конструкт повседневности формируется вокруг расширенной семьи, которая придает смысл их жизненному миру. Она выстраивает их основные цели-принципы – материальная достижительность, регламентация и планирование, которые проявляются в таких трудовых практиках, как стремление к наращиванию экономического капитала семьи, поддержание правил, регулирующих поведение детей, супругов и в целом брачные отношения во имя интересов семейства. Используемые татарами ресурсы расширенной семьи должны учитываться при реализации аграрной и социальной политики в местах их компактного проживания в селах России.

У русских сельчан в основе социальной структуры повседневности находится индивидуализированный конструкт с его более выраженными интересами личности. Центральной целью-принципом у них выступает духовный аспект: многие осуществляемые практики рефлексированы в контексте обращения к внутреннему миру человека, некоторые мотивированы православной этикой с ее установкой на нестяжательство. Большое значение ими придается «свободе», которая формирует практики самостоятельного самоопределения и стимулирует появление в сельской русской среде неординарных, эвристических

решений. Сосредоточенность русских на смысложизненных вопросах должна учитываться при создании проектов, успех которых будет определяться наличием в их целях и в средствах достижений духовных ценностей. Процесс может тормозить выявленная эклектика социальной структуры их повседневности.

Исследование выявило много общего у сельчан разных национальностей. Все они оказались в равных условиях кризиса российской деревни, из-за которой нарушилась иерархия жизненных ценностей. «Работа» у большинства перестала выступать целью-принципом, а сельскохозяйственный труд не вызывает массового интереса. Акцент сельчан на духовных и материальных ценностях труда демонстрирует уникальную, отличную от горожан, трудовую этику. Учет его может повысить эффективность аграрной политики России.

Гипотеза о роли фактора длительного взаимодействия этнических групп в регионах в формировании одинаковых моделей их повседневных трудовых практик получила лишь частичное подтверждение. Определяющее значение имеет состояние культуры этнической общности. Материалы экспедиций позволяют сделать заключение о большем традиционализме татарских сел в сравнении с русскими. Это проявляется в относительно более высоком интересе татар к сельскому хозяйству и сохранению сельской общины. Традиционные функции села поддерживаются у них и за счет плотных связей между сельчанами и горожанами, сохраняющейся глубокой эмоциональной привязанности последних к деревне. Русское село из-за более ранней урбанизации русского этноса оказалось сильнее подвержено модернизации, из-за чего трансформации подвергся институт семьи, культура хозяйствования, механизмы поддержания национальной культуры. Хотя в отдельных регионах – Башкортостане и Крыму, и у отдельных русских Татарстана и Тюменской области, это явление просматривалось менее явно.

Литература

Бергер П. Л. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Питер Людвиг Бергер, Томас Лукман; перевод с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Гофман А. Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 241–254.

Дробижева Л. М. Потенциал интеграции в условиях возрастающего многообразия национальностей // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002. С. 428–463.

Жигунова Г. В. Повседневность как социальный феномен // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 8(52). С. 59–60.

Зарубина Н. Н. Бизнес в зеркале русской культуры. М., 2004. 305 с.

Кузнецов И. М. Ценностные маркеры культурно-исторической идентичности россиян // Вестник Института социологии. 2017. № 22. С. 12–31. DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.466

Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Культура как фактор общественного прогресса. М., 2009. 408 с.

Магун В. Смена диапазона (современные российские трудовые ценности и протестантская этика) // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 260–279.

Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1 (93), январь-февраль. С. 33–58.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002.

Тоценко Ж. Т., Великий П. П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 7–30. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33

Халиков Н. А. Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.). Казань, 1995. 235 с.

Шкаратан О. И., Карачаровский В. В. Русская трудовая и управленческая культура // Мир России. 2002. № 1. С. 3–56.

Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 120–136.

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture, 2011. URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014> (дата обращения: 27.01.2020).

Inglehart R. Modernization and postmodernization: Cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 453 с.

Schwartz S. H. Les valeurs de base de la personne: Théorie, mesures et applications [Basic human values: Theory, measurement, and applications]. Revue française de sociologie. 2006. № 42. Pp. 249–288.

Статья поступила 06.08.2020.

Статья принята к публикации 20.09.2020.

Для цитирования: *Габдрахманова Г. Ф.* Смыслы и практики повседневного трудового поведения сельских русских и татар // ЭКО. 2021. № 2. С. 85–103. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-85-103.

Summary

Gabrakhmanova, G.F., *Doct. Sci. (Sociology), Institute of History named after Sh. Mardzhani AN RT, Head of the Department of Ethnological Research, Kazan*

Significance and Practices of Daily Work Behavior of Rural Russians and Tatars

Abstract. The article describes the social structures (meanings and practices) of everyday working life of rural Russians and Tatars in four regions of Russia (Bashkortostan, Crimea, Tatarstan and Tyumen region). By analyzing the daily labor behavior of individuals are identified the culturally determined patterns of their socio-economic reality. The study revealed a lot in common among villagers of both nationalities. The specificity was manifested in the fact that the social construct of everyday life among rural Tatars is formed around an extended family, which gives meaning and meaning to their life world, and among Russian villagers, the individualized spiritual aspect is the central goal-principle: many routine practices are reflected in the context of an appeal to the inner world a person and life-meaning issues. Models of everyday labor behavior of different nationalities complement each other and create a unique world of multicultural rural Russia.

Keywords: *culture; socio-economic sphere; everyday life; labor behavior; ethnic groups; regions of Russia*

References

Berger, P.L. (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Piter Lyudvig Berger, Tomas Lukman: perevod s angl. Ye. Rutkevich. Moscow, Medium. 323 p. (In Russ.).

Drobizheva, L.M. (2002). Potensial integratsii v usloviyakh vozzrastayushchego mnogoobraziya natsional'nostey. In *Social inequality of ethnic groups: perceptions and reality*. avt. proyekta i otv. red. L.M. Drobizheva. Moscow, Academia. Pp. 428–463. (In Russ.).

Gofman, A.B. (2010). In Search of Lost Identity: Traditions, Traditionalism and National Identity *Voprosy sotsial'noy teorii*. Vol. IV. Pp. 241–254. (In Russ.).

Hofstede, G. (2011). Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture. Available at: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014> (accessed 27.01.2020).

Inglehart, R. (1997). *Modernization and postmodernization: Cultural, economic and political change in 43 societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Khalikov, N.A. (1995). *The economy of the Tatars of the Volga region and the Urals (mid-19th – early 20th centuries)*. Kazan'. 235 p. (In Russ.).

Kuznetsov, I.M. (2017). The value markers of Russians' cultural and historical identity. *Vestnik instituta sociologii. Institute of the Institute of Sociology*. No. 22. Pp. 12–31. (In Russ.). DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.466

Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N. (2009). *Culture as a factor of social progress*. Moscow. 408 p. (In Russ.).

Magun, V. (2003). Range change (modern Russian labor values and Protestant ethics). *Otechestvennyye zapiski*. No. 3. Pp. 260–279. (In Russ.).

Magun, V., Rudnev, M. (2008). Life values of the Russian population: similarities and differences in comparison with other European countries. *Vestnik*

obshchestvennogo mneniya. The Russian Public Opinion Herald. No. 1 (93), yanvar' – fevral'. Pp. 33–58. (In Russ.).

Social inequality of ethnic groups: perceptions and reality (2002). Ed. project and otv. ed. L. M. Drobizheva. Moscow: Academia. (In Russ.).

Schwartz, S.H. (2006). Les valeurs de base de la personne: Théorie, mesures et applications [Basic human values: Theory, measurement, and applications]. *Revue française de sociologie.* No. 42. Pp. 249–288.

Shkaratan, O.I., Karacharovskiy, V.V. (2002). Russian labor and management culture. *Mir Rossii. Universe of Russia.* No. 1. Pp. 3–56. (In Russ.).

Shyuts, A. (1988). The structure of everyday thinking. *Sotsiologicheskie Issledovaniya. Sociological Studies.* No. 2. Pp. 120–136. (In Russ.).

Toshchenko, Zh.T., Velikiy, P.P. (2018). The Key Meanings of the Lifeworld of Rural Residents in Russia. *Mir Rossii. Universe of Russia.* Vol. 27. No. 1. Pp. 7–30. (In Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33

Zarubina, N.N. (2004). *Business in the mirror of Russian culture.* Moscow. 305 p. (In Russ.).

Zhigunova, G.V. (2015). Everyday life as a social phenomenon. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem. Modern Research of Social Problems.* No. 8(52). Pp. 59–60. (In Russ.).

For citation: Gabdrakhmanova, G.F. (2021). Significance and Practices of Daily Work Behavior of Rural Russians and Tatars. *ECO.* No. 2. Pp. 85-103. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-85-103..